



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 55–61  
*Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 55–61  
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-55-61>

Научная статья  
УДК 821.161.1.09-31+929Писемский

## Сюжет о приезде помещика в деревню в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море»: литературные источники



А. А. Пономарева

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

Пономарева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, [anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru](mailto:anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5378-7036>

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию литературных источников сюжета о приезде помещика в деревню в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863). В работе выявлено, что модель этого сюжета сформировалась в повестях предреформенного времени, т.е. на рубеже 1850–1860-х гг. Особенно часто повести с этим сюжетом публиковались в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник». Главный признак, отличающий сюжет, – образ помещика, приехавшего в деревню. Установлено, что его описание было стереотипно: неизменно подчеркивалась молодость и прогрессивность взглядов героя. В повестях этого времени выстраивался конфликт молодого прогрессивного помещика и представителя старшего поколения (отца / соседа / старого слуги и др.). Также обязательный элемент исследуемого сюжета – переустройство хозяйства приехавшим помещиком на новый лад. Основной мотив, связанный с переустройством, – тотальное разрушение всего старого. В работе показано, что попытки переустроить хозяйство всегда оказывались неудачными и приводили к серьезным драматическим или трагическим результатам. В пореформенный период сюжет, связанный с приездом помещика в деревню, «вторично семантизировался»: он адаптировался под новые злободневные задачи, которые стали в центре внимания после проведения крестьянской реформы. В работе подробно проанализирован вариант, данный в повести А. В. Дружинина «Прошлое лето в деревне» (1862). Показано, что в романе «Взбаламученное море» содержится большое количество отсылок именно к этому варианту. В ходе сопоставительного анализа этих произведений делается вывод о том, что Писемский полемизировал с Дружининым в некоторых вопросах, связанных с крестьянской реформой и ее итогами. В заключение делается вывод о том, что сюжет о приезде помещика в деревню в романе «Взбаламученное море» создан с очевидной ориентацией на повести «Русского вестника». Писемский разделил позицию катковского издания в интерпретации модели поведения помещика, начавшего переустройство быта крестьян под влиянием демократической литературы.

**Ключевые слова:** литературные источники сюжета, «вторичная семантизация» сюжета, «Взбаламученное море», «Прошлое лето в деревне», журнальная полемика, комментирование произведения

**Благодарности:** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00410 «Роман А. Ф. Писемского “Взбаламученное море” в истории русской литературы 19 века: текстология, комментирование, интерпретация»).

**Для цитирования:** Пономарева А. А. Сюжет о приезде помещика в деревню в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море»: литературные источники // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 55–61. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-55-61>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The plot of the arrival of the landowner in the village in A. F. Pisemsky's novel *The Troubled Sea*: Literary sources

A. A. Ponomareva

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Anastasiya A. Ponomareva, [anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru](mailto:anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5378-7036>

**Abstract.** The article studies literary sources of the plot about the arrival of a landowner in the village, presented in A. F. Pisemsky's novel *The Troubled Sea* (1863). The paper reveals that the model of this plot was formed in the stories of the pre-reform period, i.e. at the turn of the 1850s–1860s. Especially often stories with this plot were published in M. N. Katkov's magazine *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin). The main feature distinguishing this plot is the image of a landowner coming to the village. It was found that his description was stereotypical: the youthfulness and progressiveness of the hero's views were invariably emphasized. In the stories of this time, the conflict arises between a young progressive landowner and a representative of the older generation (father / neighbor / an elderly servant, etc.). Also, an obligatory element of the plot in question is the reorganization of the economy with a modern twist by the recently arrived landowner. The main motive associated with the reconstruction



is the total destruction of everything considered old. The paper shows that attempts to rebuild the economy have always been unsuccessful and led to serious dramatic or tragic results. In the post-reform period, the plot associated with the arrival of the landowner in the village became a 'derivative semantisation': it adapted to the new relevant tasks that became the focus of attention after the peasant reform. The paper analyzes in detail the variant given in the story of A.V. Druzhinin *Last Summer in the Village* (1862). It is shown that the novel *The Troubled Sea* contains a large number of references to this particular variant. In the course of the comparative analysis of these works, it is concluded that Pisemsky argued with Druzhinin on some issues related to the peasant reform and its results. In conclusion, it is inferred that the plot of the landowner's arrival in the village in the novel *The Troubled Sea* was obviously guided by the stories in *Russkiy Vestnik*. Pisemsky shared the view of Katkovsky's edition in interpreting the behavior model of the landowner, who began to reorganize the life of peasants under the influence of democratic literature. **Keywords:** literary sources of the plot, 'derivative semantisation' of the plot, *The Troubled Sea*, *Last Summer in the Village*, magazine controversy, commenting on the work

**Acknowledgements:** This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00410 "A. F. Pisemsky's novel *The Troubled Sea* in the history of the Russian literature of 19<sup>th</sup> century: Textology, commentary, interpretation").

**For citation:** Ponomareva A. A. The plot of the arrival of the landowner in the village in A. F. Pisemsky's novel *The Troubled Sea*: Literary sources. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 55–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-55-61>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Весной 1862 г. в одном из писем к И. С. Тургеневу Писемский отметил: «...мой дорогой Иван Сергеич, нам всем – и вам, и мне, и Островскому, и Гончарову – пришла пора обращать взгляд назад и писать исторические вещи, не так, разумеется, далеко закидывая его, как Островский в "Минин", а то, пожалуй, оттуда только и услышишь, что колокольный звон да "господи, помилуй". Нет, писать о том времени, которое нами самими прожито – положим, что из этого уже не выйдет модных вещей, но зато выйдут вещи более глубоко понятые и более искренно созданные и, должен сказать, более нужные для истории» [1, с. 175]. Задача, сформулированная в этом письме, в полной мере реализовалась в романе Писемского «Взбаламученное море» (1863). Первые литературные критики сразу обратили внимание на то, что автор с документальной точностью воспроизвел события социально-политической жизни России 1840–1860-х гг.

Установка на документальную точность проявляется в особом рода главах, открывающих повествование о жизни Бакланова в тот или иной исторический период. Описанию событий, происходивших в пореформенный период (в частности, пребывание героя с любовницей в деревне), предшествует исторический «экскурс»: «Наступило великое 19-е февраля 1861 года. В Петербурге ожидали движения в народе. Французский и бельгийский посланники с утра еще велели заложить себе экипажи и поехали по стогнам града Петра, видеть agitation du peuple, и только около Михайловского дворца увидели толпу помногочуднее. <...> в Бездне собралось тысяч шесть народа, и там расстреляли Антона Петрова» [2, с. 126].

Примечательным образом в этом фрагменте оказались сближены две реалии, «рисующие» различные полюса общественной жизни переходного времени. Первая реальность – абсолютное затишье при наступлении дня, в который ожидалась отмена крепостного права. Как хорошо известно, обнародование манифеста планировалось

на период Великого поста, т. е. не ранее 6 марта 1861 г. Однако в обществе распространился слух, что он будет прочитан 19 февраля 1861 г., в день восшествия на престол императора Александра II. Для прекращения этого слуха в газетах опубликовали извещение петербургского военного генерал-губернатора: «19 февраля никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет» [3]. В правительстве даже допускалась возможность революционного взрыва в Петербурге. П. А. Зайончковский писал, что для его подавления были разработаны специальные секретные предписания, одно из которых называлось «Вызов войск на случай беспорядков»: «В этом деле <...> имеются заранее заготовленные и подписанные с.-петербургским генерал-губернатором Игнатьевым предписания ряду представителей как высшей административной власти, так и военного командования, которые должны были быть немедленно разосланы в случае начала восстания» [4, с. 153]. Однако, по наблюдениям самого императора, день прошел «совершенно спокойно» [4, с. 159].

Рядом с указанием на абсолютное затишье в обществе в романе Писемского называется одно из самых кровавых событий пореформенного времени – восстание в апреле 1861 года в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Нужно отметить, что после официального объявления манифеста мощный подъем крестьянского движения произошел почти во всех губерниях Российской империи (в марте волнения охватили 7 губерний, в апреле – 28, в мае – 32). Крестьяне отказывались от выполнения барщины и внесения оброка. Наибольший размах крестьянское движение получило в Казанской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Черниговской, Виленской, Ковенской, Смоленской губерниях. Восстание в Бездне стало самым резонансным событием. Его предводителем был местный житель, крестьянин двадцати четырех лет Антон Петров. О нем сохранилось такое свидетельство: «...считался до тех



пор за глупого и ленивого всеми, явился чем-то в роде духовидца и пророка. Под влиянием впечатлений народного переворота, сначала, может быть, в шутку, а потом и сам убежденный, он стал рассказывать крестьянам о снах и видениях, имевших отношение к свободе <...>. Он говорил, что все свободны в последней ревизии, что Бог открыл ему это» [5].

Антон Петров истолковал «Общее Положение» так, как этого хотели крестьяне: царь даровал всем волю, освободил от повинностей, передал дворянскую землю в пользование крестьянам. Это восстание было жестоко подавлено генерал-майором А. С. Апраксиным 12 апреля 1861 года: не добившись выдачи Антона Петрова, он дал приказ стрелять по безоружной толпе. Примечательно, что за таким документально точным воспроизведением событий пореформенного времени следует чисто фикциональное повествование о пребывании Бакланова в деревне (в пятой части романа «Взбаламученное море»).

Рассматриваемый фрагмент романа построен на чрезвычайно разработанном в конце 1850-х – начале 1860-х гг. сюжете – *приезд помещика в деревню* (более подробное исследование этого сюжета в беллетристике предреформенного времени см.: [6]).

Его состав сформировался в литературе в период подготовки реформы и отражал проблематику, соответствующую своему времени.

Главным признаком, отличающим этот сюжет, является образ помещика, приехавшего в деревню. Его описание было стереотипно. Акцент неизменно делался на молодости героя и его демократических взглядах на крестьянскую реформу. Так, например, герой повести С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший» (1860) встречает новость об отмене крепостного права с большим воодушевлением, в отличие от своего отца: «Пришел давно ожидаемый конец этой безобразной системе, этой барщине! Как прояснились, я думаю, лица у мужичков? Как светло озарили их, я думаю, луч надежды?» [7, с. 276].

В повестях этого времени выстраивался конфликт молодого прогрессивного помещика и представителя старшего поколения (отца / соседа / старого слуги и др.). Расстановка «сил» в пределах этого конфликта была самой разнообразной. Герой, принадлежащий поколению отцов, мог представляться праздным помещиком, не вмешивающимся в хозяйство (С. А. Ладыженский «Век нынешний и век минувший», С. Д. Хвощинская «Сельцо Лысково»). На фоне праздных отцов ярко проявлялось то, что «дети» лучше понимают практическую сторону жизни. Характерно, что в повестях предреформенного времени подчеркивалась несостоятельность не только старшего, но и младшего поколений. Герой «Сельца Лысково» наделен «мелким» характером: корыстные по-

ступки он пытался объяснить популярными демократическими теориями. В характеристике героя повести С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший» подчеркивалось, что он легко увлекается разными идеями и быстро «перегорает».

Обязательный элемент исследуемого сюжета – переустройство хозяйства на новый лад, которое должно улучшить быт крестьян. Основной мотив, связанный с переустройством, – тотальное разрушение всего старого. Так, герой повести «Сельцо Лысково» признается, что первое, с чего нужно начать, – «ломать, ломать и ломать». Все, что он видит в селе, его не удовлетворяет: «...старое барское хозяйство – тьма кромешная: в ней нескоро разберешься. <...> Для этих деревенских сидней, кажется, ничто в мире не движется вперед. Про них книги не писаны» [8, с. 49]. В повести «Век нынешний и век минувший» молодые помещики призывали «вырвать с корнем» старое, «бросить <...> без оглядки, без сожаления и создать во что бы то ни стало новое» [7, с. 305–306].

Переустройство хозяйства на новый лад начинается не сразу: молодые помещики сначала приглядываются к крестьянскому быту, знакомятся со старыми принципами управления. Основное, на чем ставится акцент, – непонимание молодым человеком крестьян: их быта, языка и пр. (Н. М. Павлов «Конец впереди», С. А. Ладыженский «Век нынешний и век минувший»). Для того чтобы разобраться в принципах хозяйствования, герой нередко мог совершать ряд поездок по соседям-помещикам, думая найти у них дельные советы. Однако, как правило, он встречался только с отрицательными типами помещиков. Характерно, что попытки переустроить хозяйство всегда оказывались неудачными и приводили к серьезным драматическим или даже трагическим результатам: смерти старосты («Поездка в деревню») / уходу старого слуги из родного села («Сельцо Лысково») / ссоре отца и сына («Век нынешний и век минувший»).

Отличительной чертой рассматриваемых сюжетов является особая положительная оценка в изображении крестьян. В повестях ставился акцент на том, что неуспех в переустройстве хозяйства обусловлен не глупостью крестьян, а неопытностью и оторванностью от «почвы» молодого помещика. Репрезентативный в этом отношении пример – повесть Н. М. Павлова «Конец впереди» (1860): «...на тысячу ладов потянулась одна и та же история непонимания друг друга; а вместе завязались те же отношения, о которых в последнее время Нельцев читал много повестей и романов, помещаемых в журналах, с тою только разницей для Нельцева, что герои тех повестей обыкновенно выходили правы, а крестьяне, как и резонно, оставались какой-то глупой сволочью, которые сами не знают, чего



хотят; наш же герой считал себя самого кругом виноватым. Как нельзя лучше он понял, что в этом случае крестьяне были умней него: поняли сразу, с кем имеют дело, и вот всякий выжимает из него по своим силам» [9, с. 369].

В пореформенный период сюжет, связанный с приездом помещика в деревню, «вторично семантизировался»: он адаптировался под новые злободневные задачи, которые стали в центре внимания после проведения крестьянской реформы. Важным произведением в этом ряду оказалась повесть А. В. Дружинина «Прошлое лето в деревне», опубликованная в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» в 1862 г. (№ 2, 3, 5–9), незадолго до начала публикации в нем романа Писемского.

В сравнении с более ранними версиями рассматриваемого сюжета, в варианте Дружинина появляется установка на достоверность описываемых событий. Н. Б. Алдонова определяет жанр произведения как художественно-документальная повесть [10, с. 101]. Рассмотрев творческую историю повести, исследовательница пришла к заключению, что писатель постепенно свел вымысел к минимуму: «Главное для Дружинина – точная и достоверная передача увиденного, услышанного и пережитого. <...> не претендуя на полноту и основательность изложения, рассказчик заявляет о намерении воспроизвести картины пореформенной действительности в их подлинности, о желании представить читателям “более анекдотические, нежели деловые, заметки о нескольких любопытных месяцах” <...> его жизни в деревне <...>. Впечатления от увиденного и услышанного, встречи с помещиками, арендаторами, мировым посредником, предводителем дворянства, чиновниками, волостным старшиной, крестьянами и составляют содержание произведения, позволившего Дружинину нарисовать панораму жизни в деревне в самое трудное время, вывести разнообразные типы крестьян и помещиков, раскрыть их психологию, представить различные жанровые сценки» [10, с. 102]. По замечанию исследовательницы, основу повести составили реальные факты, связанные с пребыванием писателя в своем имении Мариинское Гдовского уезда Петербургской губернии.

В повести Дружинина изменяется мотивировка приезда помещика в деревню. В отличие от более ранних вариантов, она прямо обусловлена крестьянской реформой: помещик Сергей Ильич Безыменный приезжает в имение Петровское, находящееся в управлении его сестры, для утверждения уставных грамот с крестьянами. Несмотря на изменение мотивировки, сюжетная схема вполне традиционна: описываются встречи героя с соседями-помещиками, чиновниками и крестьянами, благодаря чему освещаются разнообразные темы, связанные с отменой крепостного

права (вольнонаемный труд, машинное хозяйство, язык общения с крестьянами). Примечательно, что типы помещиков, с которыми встречается Безыменный, существенно не меняются по сравнению с теми, что были представлены в более ранних повестях: в центре внимания оказываются образы прогрессивных помещиков, которые перестраивают хозяйство по новым моделям, описанным в периодике; консервативные помещики, противники крестьянской реформы и т.д.

При «вторичной семантизации» изменяется также центральный конфликт сюжета. Если в пореформенных повестях в центре внимания оказывался конфликт отцов и детей, то в рассматриваемой повести акцент смещается: в центре внимания оказывается столкновение помещика с «книжными» взглядами на крестьян и хозяйство с реальностью. Герой повести Дружинина постепенно «отрезвляется» и осознает, что идеи, почерпнутые из периодики, оторваны от действительности. В финале происходит прозрение: он начинает чувствовать спасительную и таинственную связь с почвой, такую же, какую чувствует крестьянин, берущий горстку старой земли при переезде на новое место.

Таким образом, ко времени написания романа «Взбаламученное море» сюжет о приезде помещика в деревню был широко разработан в литературе. Причем следует отметить, что он встречался наиболее часто в повестях, опубликованных в журнале «Русский вестник», в котором Писемский планировал публикацию своего романа. В связи с этим обращение к нему писателя можно объяснить не только популярностью и сформированностью сюжета, но и более значимыми обстоятельствами, связанными с включением романа в круг проблем, которые обсуждались в этом журнале.

В романе Писемского рассматриваемый сюжет удваивается. Бакланов дважды оказывается в деревне: сначала в деревне своей любовницы Софи, а затем уже своей собственной. По сравнению с предшествующими вариантами, мотивировки приезда в романе изменяются. Как и герой повести Дружинина, Бакланов едет в деревню с целью составления уставных грамот, однако в ходе повествования становится ясно, что причина была совсем иной: он бежит из деревни Софи, боясь неприятностей с ее крестьянами и огласки их отношений.

Основу первой части сюжета, связанного с пребыванием Бакланова в деревне, составляет характерное событие пореформенного времени – крестьянский бунт. Как было отмечено выше, такого рода описаниями была переполнена периодика пореформенного времени. Причины крестьянских выступлений были схожи во всех губерниях Российской империи: желание немедленного освобождения, жестокие притеснения со стороны помещиков и т.д. Чаще всего бунт





происходил под влиянием кого-то извне, кто растолковывал положения манифеста в пользу крестьян. Запечатлев характерную историческую черту пореформенной действительности, Писемский представил ее, однако, в ироническом освещении: его герои, перепуганные известиями из периодической печати, в обычном крестьянском обмане сразу видят признаки грандиозного бунта. Не получив по приезду требуемых удобств и пищи, Бакланов и Софи решают, что крестьяне готовятся их убить:

«При каждом малейшем шуме на улице или в доме они переговаривались.

– Что такое? – спрашивала обыкновенно сейчас же Софи.

– Не знаю! – отвечал тоже встревоженным голосом Бакланов и потом уж только прибавлял: – нет, ничего!

Они боялись, что мужики придут и убьют их» [2, с. 148].

Для предотвращения убийства Бакланов обращается за помощью к мировому посреднику. Образ мирового посредника в романе, очевидно, создан в полемике с Дружининым, первым, кто ввел его в литературу. Герой повести «Прошлой лето в деревне» Владимир Матвеевич Матвеев – справедливый, бескорыстный, непреклонный человек, вселивший уважение крестьянам и помещикам. Мировой посредник Варегин, напротив, представлен с первого появления утомленным, желчным и разочарованным. В недавнем прошлом герой оказался жертвой прогрессивно настроенного студенчества: под давлением студентов, обвинивших его в консервативности взглядов, он покинул кафедру (нужно заметить, что Писемский в этом случае воспроизвел характерную историческую черту: такого рода историй было огромное множество в пореформенный период (см. об этом: [11])) и переселился в деревню.

Изображая мирового посредника со скверной историей в недавнем прошлом, Писемский явно вступил в противоречие с традиционным толкованием этой должности, отраженным, в частности, в повести Дружинина. В печати начала 1860-х гг. культивировалась идея о том, что место мирового посредника очень почетно. В «Современной летописи» журнала «Русский вестник» отмечалось: «Теперь становится даже модой ехать в деревню и идти в мировые посредники. Всегдашние столичные жители оставляют столицы и хотят служить каждый своему краю. Такое настроение, распространившееся в высшем обществе обеих столиц, значительно облегчает начальникам губерний выбор людей, способных занять должности мировых посредников...» [12, с. 15]. Примечательно, что вскоре после отмены крепостного права, весной 1861 г., в письмах к Тургеневу Писемский высказывал

пожелание занять должность мирового посредника: «Меня так и подмывает идти в мировые посредники, но проклятый журнал вяжет по рукам и по ногам» [1, с. 168].

Кроме этого, Варегин представлен подчеркнута не на своем месте, на что обратил внимание Бакланов при первой встрече. Несостоятельность Варегина как мирового посредника раскрывается на фоне героя повести «Прошлой лето в деревне». Матвеев – чрезвычайно деятельный посредник: он ездит по своему участку, вникает в дела помещиков и крестьян, дает ценные советы и тем, и другим. Действия Варегина вынесены «за кадр»: в разговоре с Баклановым он говорит, что пытался всю ночь усмирить крестьян в сборной избе, но не добился положительного результата. Для разрешения бессмысленного волнения, которое было спровоцировано влиянием извне, мировой посредник прибегнул к крайней мере: вызвал из города военную команду, которая наказала крестьян несмотря на то, что те сразу подчинились всем требованиям власти.

Параллели между сюжетами Писемского и Дружинина этим не исчерпываются. Бакланов, как и герой повести «Прошлой лето в деревне», приезжает в свое имение в самый разгар полевых работ. Писемский, вслед за Дружининым, запечатлел важную реальную черту: на самом деле постановление о составлении уставных грамот было издано летом. В повести это явное несоответствие официальной («книжной») линии переустройства быта и действительности стало предметом особого объяснения между приехавшим помещиком и мировым посредником: «... каким это образом вы, человек живший в деревне, могли подумать о составлении уставных грамот в июне месяце? Или вы уж решились мешать и тем летним работам, которые у вас происходят? Ведь без ходьбы по полям и долгих разговоров с крестьянами вам согласиться трудно. Да как же наконец в самую горячую пору отрывать крестьян от их собственных полей, для того, что можно сделать в сентябре месяце? Другое дело, если бы вы были заняты, если бы только один июнь был в вашем распоряжении...» [13, с. 374]. Герой Дружинина внимает советам мирового посредника и откладывает дело до более удобного времени. В романе «Взбаламученное море» реализуется другой вариант развития событий, как раз тот, который был продиктован оторванными от реальности документами и литературой. Как и в повестях, написанных накануне реформы, представляются неудачные попытки ведения хозяйства приехавшим помещиком с демократическими взглядами. Бакланов, в отличие от дружининского героя, все-таки устраивает в разгар летних работ совещание с крестьянами об уставных грамотах. Как и в повести Н. М. Павлова «Конец впереди», акцент сделан на том, что



крестьяне оказываются умнее и хитрее помещика. Они насторожены благодушным настроением помещика, не доверяют ему, пытаются обмануть.

Для описания различных аспектов быта пореформенной деревни Писемский использует традиционную сюжетную схему: приехавший помещик, несведущий в сельском хозяйстве, встречается с соседями-помещиками. Однако на первый план здесь выходит не конфликт поколений, как это было в предреформенной литературе, герои которой хотели разрушить все старое и на обломках возвести новое. В романе Писемского, как и в повести Дружинина, представлены разные типы прогрессивных помещиков, которые выступают сторонниками реформы. Конфликт связан со столкновением «книжных» взглядов и действительности.

В повести Дружинина изображено несколько представителей прогрессивной помещичьей среды. Помещик Безыменный встречается с семьей соседей, глава которой занимается в Петербурге реформаторской деятельностью, а жена тем временем перестраивает хозяйство на новый лад: выписывает сельскохозяйственные машины, вводит вольнонаемный труд, ездит на полевые работы, просвещает крестьян, а затем описывает свой опыт управления в письмах, которые ее муж дает читать в Петербурге в демократических кругах. Безыменный, занимающий позицию наблюдателя в ее доме, замечает, что крестьяне, по-настоящему заинтересованные в развитии хозяйства, недовольны новым управлением помещицы, видят в нем абсолютное незнание дела. Затем Безыменный встречается с еще одним помещиком-фермером с прогрессивными взглядами, Евдокимовым. Он также преобразует хозяйство в соответствии с демократическими требованиями времени: вводит вольнонаемный труд и машинное хозяйство. Однако в повести деятельность Евдокимова оценивается иронически, но не с точки зрения крестьян, а с точки зрения рациональных помещиков: «Он просто дурак, только к сожалению дурак до крайности добрый и деятельный. У простого человека различные дурацкие планы обыкновенно остаются в голове и кончаются разговором, а этот чудачина так и рвется применять их к делу. <...> он придумал пароходство по такой реке, какую в летние месяцы куры вброд переходят. Теперь он отдался вольному труду, и, конечно, не бросит своих дел, покуда не запутается с руками и ногами» [13, с. 458].

В романе Писемского воспроизводится аналогичный образ прогрессивного помещика – предводитель дворянства, с которым встречается Бакланов, когда приезжает в деревню. Помещик хвастается, что опередил крестьянскую реформу: «...лично у меня крепостной труд давно уже был отменен и существовал наемный; значит, цены

на него для мужика и барина были установлены; тот и другой видели благодетельные последствия этого: барин – превосходство наемного труда перед крепостным, мужик – пользу заработка, хоть и по невысокой цене, но дома, где он не тратится на дорогу, ни на дороговизну городского содержания. Второе, у меня давно уже введено машинное хозяйство: я знаю, какая машина для нашей почвы годится, какая нет!» [2, с. 175]. Позже Бакланов узнает, что помещик тиранил своих крестьян, платил гроши за их труд, в результате чего крестьяне подожгли завод и пытались его убить. В отличие от повести Дружинина, герой которой, встретившись с прогрессивной помещицей и фермером Евдокимовым, сразу понимает оборотную сторону дела, Бакланов не поставлен в позицию наблюдателя. В отличие от Безыменного, его угнетает не то, что он видит двойственность положения прогрессивного помещика, а его бесконечные разговоры о хозяйстве. Причем в романе параллельно с точкой зрения героя выражена точка зрения автора: глава, в которой появляется прогрессивный помещик, называется «Модные вральи».

Проведенный анализ показывает, что сюжет о приезде помещика в деревню в романе создан с очевидной ориентацией на беллетристику «Русского вестника». Писемский разделил позицию катковского издания в интерпретации модели поведения современного помещика, начавшего переустройство хозяйства под влиянием демократической литературы. В другой части романа зашифровывались намеки на вполне конкретных литераторов, которые этому поспособствовали, – на Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского с его политико-экономическими статьями о вольнонаемном труде, общине и др. Во время известного конфликта с «Искрой» в начале 1862 г. в письмах к Тургеневу Писемский жаловался, что эти прогрессивные литераторы получили исключительное влияние на общество: «... все это громогласно и во всеуслышание грозит уничтожить авторитеты и прежде всех меня, Гончарова и вас! и знаете ли что? Они хоть и временно, но достигнут этого! Публика наша так глупа, так привыкла верить печатному слову, тем более, что они после двух слов третьи обыкновенно говорят: мы прогрессисты, самые передовые, самые крайние» [1, с. 172]. Однако Писемский, как и ранее в своей повести Дружинин, выражал мнение об «оторванности» прогрессивных деятелей от того, о чем они пишут, в частности от той сферы, которая была затронута крестьянской реформой. Итак, изображение исторических реалий, связанных с жизнью пореформенной деревни, подстраивается в романе под злободневную журнальную полемику, в результате чего романное повествование становится тенденциозным и полемическим.



### Список литературы

1. Письма А. Ф. Писемского (1855–1879) // Литературное наследство. Т. 73. Из парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 2. Из неизданной переписки. М. : Наука, 1964. С. 125–194.
2. Писемский А. Ф. Взбаламученное море : Роман в шести частях. Часть четвертая, пятая и шестая // Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. : в 24 т. Т. 10. М. ; СПб. : Изд. тов. М. О. Вольф, 1895. 290 с.
3. [Б. п.]. Северная пчела. 1861. № 39. 17 февр.
4. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М. : Просвещение, 1968. 368 с.
5. [Б. п.] Мартиролог крестьян. Граф Апраксин Безденный // Колокол. 1861. Л. 100. С. 837.
6. Пономарева А. А. Конфликт поколений в русской литературе второй половины 1850-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2019. Т. 18, № 9 : Филология. С. 157–168. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168>
7. Булкин [Ладыженский С. А]. Век нынешний и век минувший // Русский вестник. 1860. Т. 26, март. С. 257–318.
8. Хвоцинская С. Д. Сельцо Лысково // Отечественные записки. 1859. Т. 124. С. 1–74.
9. Павлов Н. М. Конец впереди // Русский вестник. 1860. Т. 30. С. 357–428.
10. Алдоина Н. Б. Творческая история повести А. В. Дружинина «Прошлое лето в деревне» // Русская литература. 2012. № 1. С. 101–111.
11. Вольфсон Т. «Вольный университет» 1862 г. // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 7. С. 96–107.
12. Русский вестник. Современная летопись. 1861. № 13. 32 с.
13. Дружинин А. В. Прошлое лето в деревне // Дружинин А. В. Собр. соч. : в 8 т. Т. 2. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1865. С. 366–586.

Поступила в редакцию 30.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 12.11.2021  
The article was submitted 30.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 12.11.2021